Армавирский государственный педагогический университет
Кафедра всеобщей и отечественной истории

Армавирский краеведческий музей

ΛΕΠΤΟΝ

Сборник научных статей в честь археолога

АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЬЯНКОВА

Редактор-составитель С.Н. Малахов

Армавир – Краснодар
2018

ББК 63.4 (2Рос-4Кра)
УДК 902.2

Научное издание

Рецензент:
доктор исторических наук В.А. Кузнецов

Редакционная коллегия:
С.Н. Малахов (редактор-составитель), М.Э. Мамиев, Ю.А. Прокопенко

ΛΕΠΤΟΝ: Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова [Текст] / Ред.-сост. С.Н. Малахов. – Армавир – Краснодар: Издатель В.Е. Шурыгин, 2018. – 135 с., ил.

В юбилейном сборнике содержатся материалы к биографии и библиографии известного археолога А.В. Пьянкова – специалиста в области древней и средневековой археологии Северо-Западного Кавказа. Алексей Васильевич Пьянков (1957 г.р.) открыл и исследовал десятки археологических памятников на территории Краснодарского края, многие годы был научным сотрудником в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына, им опубликовано более двухсот научных работ по различным аспектам археологии Северного Кавказа.

В статьях археологов и историков из Москвы, Краснодара, Новороссийска, Анапы, Армавира, Владикавказа, Симферополя, Ставрополя, Сухума, посвященных юбиляру, затрагиваются актуальные проблемы археологии Центрального и Северо-Западного Кавказа с древнейших времен до позднего средневековья, истории изучения археологического наследия Юга России.

Сборник адресован археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам исторических факультетов университетов, а также всем, кто интересуется археологией Северного Кавказа.

На первой стороне обложки:
Номисма стамена Никифора III Вотаниата (конфискат 2011 г.).

На концевой стороне обложки:
Номисма стамена Никифора III Вотаниата с Нижнего Дона (рисунок из статьи И. Парусимова).

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Андрея Анатольевича Кудрявцева

ISBN 978-5-91153-120-1

© Авторы статей, 2018.
© Составление. С.Н. Малахов, 2018.
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2018.

А.И. Джопуа, В.А. Нюшков

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ И АБХАЗИИ

(По материалам новых археологических находок)

Аннотация. Черноморское побережье Кавказа вследствие своего исключительно благоприятного расположения, находясь на перекрёстке морских и сухопутных дорог, на протяжении всей истории являлось связующим звеном взаимодействия как родственных, так и иноэтнических групп населения. Этот процесс протекал и в период поздней античности. Данный отрезок времени в статье избран не случайно, так как он совпадает с периодом существования могильника в Ачмарде. В прошлом году здесь были изъяты у «черных копателей» предметы, представляющие большую историческую ценность как для Абхазии, так и краснодарского побережья Черного моря, поскольку сам могильник находился на периферии активных межэтнических связей населения Восточного Причерноморья в период поздней античности.

Ключевые слова: Краснодарское Причерноморье, Абхазия, саниги, Ачмарда, могильник, связи, Цабал.

A.I. Jopua, V.A. Nyushkov

INTERETHNIC RELATIONS OF THE POPULATION OF THE KRASNODAR BLACK SEA COAST AND ABKHAZIA

(based on new archaeological findings)

Abstract. The Black Sea Coast of the Caucasus, because of its exceptional favorable location, throughout history being at the crossroads of the sea and the overland roads, was the connecting element between the interaction of both related and other ethnic groups of the population. This process was in progress also in the period of the Late Antiquity. This period in our article was chosen by us not accidentally, because it fully corresponds with the period of the existence of the cemetery in Achmdard. It is interested by that in the past year here were confiscated from "black archaeologists" many items that have the great historical value for both Abkhazia and the Krasnodar´s Black Sea Coast. The cemetery itself was situated on the periphery of the active interethnic relations of the population of the Eastern Black Sea Region during the Late Antiquity.

Key words: Krasnodar Black Sea Coast, Abkhazia, Sanigi, Achmarda, burial ground, communications, Tsabal.

Данная тема исследования выбрана не случайно, ещё в 2006 г., когда в Сухуме проходила Первая международная абхазская археологическая конференция, посвящённая памяти Ю.Н. Воронова, в работе этого форума принял участие наш уважаемый юбиляр, друг Алексей Васильевич Пьянков. Его доклад был опубликован в материалах этой конференции и посвящён юго-восточным связям населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н.э., по материалам могильников. В свой статье, что особенно важно, исследователь для сравнения с кубанским археологическим материалом использует материал из цебельдинских могильников. В конце своей работы автор подводит итог, отмечая, что сегодня ещё нет достаточно материала, чтобы делать окончательные выводы о характере связей населения Краснодарского Причерноморья со своими юго-восточными соседями.

Между тем мы намерены более подробно рассмотреть поднятую А.В. Пьянковым проблему, поскольку за последнее время появился новый материал, который дает дополнительные основания утверждать о существовании не только с рубежа нашей эры, но и уже в первом тысячелетии до н.э. оживлённых связей между населением всего Кавказского Причерноморья. Свидетельством этому являются данные археологии. По мнению В.Р. Эрлиха, на протяжении всего I тысячелетия до н.э. между территорией Абхазии и миром меотской культуры существовало тесное культурное взаимодействие [1, с. 173].

Существует несколько точек зрения по вопросу, как могли осуществляться связи между группами населения, проживавшего как на Северном Кавказе, включая причерноморский регион, так и на Южном Кавказе (Абхазия и остальное Закавказье) в эпоху I тыс. до н.э. и в I тыс. н.э., поскольку, на наш взгляд, причины, порождавшие эти связи, оставались практически без изменений на протяжении нескольких тысячелетий. Согласно В.Р. Эрлиху, эти связи могли осуществляться как через перевалы Центрального Кавказа, так и морем, либо комбинированным путем: морем и по сухопутным маршрутам [1, с. 173]. Безусловно, этому во многом способствовала близость населения, жившего по обе стороны от Западного Кавказа и на западнокавказском побережье [1, с. 173]. Логично предположить, что эти связи имели в большей мере торговый характер. А.В. Пьянков, исследуя находки аналогичных предметов в Цебельде и на побережье краснодарского Причерноморья, отмечает, что предметы могли быть изготовлены как на месте, так и попасть привозным образом, т.е. в результате торговли [2, с. 302]. Здесь следует заметить: «поступлению импортных изделий в Санигию способствовал известный перевальный путь, шедший от побережья через Воронцовскую пещеру, в обход вершины Ахуц на Красной поляне и далее на Северный Кавказ», сохранявший своё торговое значение с раннебронзовой эпохи вплоть до VIII в. н.э. [3, с. 105].

В то же время следует согласиться со А.Ю. Скаковым, что «сводить характер контактов между племенами Западного Закавказья и Центрального Кавказа к торговым связям было бы упрощением». «Торговля продукцией скотоводства и земледелия, рабами, солью и т.д., безусловно, имела место», но встречающиеся по обе стороны Главного Кавказского хребта в довольно значительном количестве импортные предметы, на его взгляд, имеют церемониальный, или парадный, характер [4, с. 158].

Поступление значительного количества импортной продукции в рассматриваемые регионы Кавказа связано было с их удобным географическим расположением на берегу Чёрного моря; кроме того, решающую роль в активизации этого торгового процесса играло соседство мощного государства – Римской (позднее Византийской) империи. Между тем археологические материалы из могильников Северо-Восточного Причерноморья позднеантичного и раннесредневекового времени содержат предметы юго-восточного происхождения [2, с. 297], характеризующие культуру местного древнеабхазского населения.

Согласно Арриану, древнеабхазские племена санигов во II в. н.э. занимали довольно значительную территорию от Себастополиса до реки Ахеунты (современная Шахе), однако к V в. н.э. территория проживания санигов сузилась, и они упоминаются лишь на территории между реками Ахеунта и Абаском (современные

Псоу или Хашупсе), далее, южнее, уже локализуются, вплоть до Себастополиса, абасги и далее – апсилы. На это указывают элементы местной материальной культуры (браслеты, фибулы, керамика, оружие), «не проявляющие в позднеантичный период никакой существенной разницы по обе стороны реки Псоу» [5, с. 344]. Для данной территориот района современного Сочи до Цабала общими являются мечи, топоры, наконечники копий, щиты, ножи, значительная часть браслетов, фибул, пряжек, серег, туалетных инструментов, хрустальных бус и др. [6, с. 57]. Следует добавить, что следы материальной культуры апсилов чётко фиксируются на левобережной стороне р. Кодор и далее к югу.

В этой связи интересен регион, относящийся к месту проживания санигов, а именно – предгорная часть современного Гагрского района, ущелья рек Хашупсы, Ачмарды, Лапсты. Здесь, в результате археологических разведок экспедицией, организованной Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Гулиа в 1967 г., был выявлен из могильников Хашупса, Ачмарда, Лапста интереснейший археологический материал. Несмотря на незначительное число выявленных погребений в Гагрском районе, они в целом почти не отличаются по ритуалу захоронения от могильников Цебельдинской культуры, расположенных вдоль Военно-Сухумской дороги, в окрестностях с. Цабал. Более того, просматривается явное сходство и в инвентаре: топоры цебельдинского типа, двулезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовидной дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т.д. [7, с. 64]. Нельзя не отметить и находку, обнаруженную на Красной поляне, – глиняный кувшин, изготовленный в апсилийской мастерской в IV-V вв., указывающий на реальные связи санигов с апсилами. На реальные связи апсилов с абасгами показывает и керамика, выявленная экспедицией под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа в с. Ачандара на могильнике Цоухуа (IV–VI вв. н.э.) с 15 погребениями. Идентичность выявленных предметов на данном могильнике и в некрополях Цебельды подтолкнула А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа заключить, что оба могильника принадлежат одной группе населения, образуя предположительно локальный вариант Цебельдинской культуры [8, с. 243, 246]. Надо отметить, что синхронный могильник Цоухуа был выявлен и исследован в селе Ачандара Гудаутского района М.М. Гунба и А.Н. Габелия в конце 1980-х годов. Также, в 2001 г., археологическая экспедиция АбИГИ провела раскопки в селе Куланурхуа могильника поздней античности и раннего средневековья. Было обнаружено 27 захоронений (среди них 15 были безынвентарными). Могильник содержал фрагменты тарной и кухонной посуды в небольшом количестве. Особо можно выделить фрагменты керамики цебельдинского типа с чашечкообразным венчиком в 3 экземплярах, а также фрагменты пифосов с налепным орнаментом с пальчиковыми вдавливаниями под горловиной. На могильнике Куланурхуа было найдено 10 ритуальных глиняных кувшинов, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета [9, с. 31].

Таким образом, в результате проведённых археологических работ в разных местах, в основном в центральной и южной части Абхазии, были выявлены предметы, близкие тем, что были обнаружены в окрестностях с. Цабал. Тем самым расширился ареал данной культуры. В последние годы в ходе раскопок, проводимых в северо-западной Абхазии, археологи А.Ю. Скаков,

А.И. Джопуа, З.Г. Хондзия и др. выявили ряд предметов, идентичных цебельдинским, что может означать, что абасги и саниги имели схожую с апсилами культуру. В более ранних исследованиях (Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронова и др.) также отмечаются общие черты вещей, выявленных как в могилах апсилов, так и в погребениях северо-западной Абхазии (абасгов и санигов).

Очевидно, территория Северо-Западной Абхазии (совр. Гагрский и Гудаутский районы) в течение многих веков служила дорогой различных народов и культур, двигавшихся с юго-востока на северо-запад. Данная территория (исходя из своего приграничного положения с современным Краснодарским краем РФ) с давних времён являлась зоной экономических и политических контактов, родственных взаимоотношений абхазов и адыгов. Эти взаимоотношения могли проявляться и в браках.

Надо отметить, известные сегодня крупные двучленные лучковые фибулы с равномерно расширенной ножкой происходят из могильника Бжид-I. Они же сегодня известны и в Цебельдинских памятниках, и часто имеют слабо заметную прогнутость, встречаются они вместе с крестовидными фибулами с аналогично орнаментированными спинками [2, с. 298]. Вместе с тем, отмечает А.В. Пьянков, в силу редкости лучковых фибул в памятниках зихов, их вполне можно отнести к абхазскому импорту [2, с. 298]. В отношении одночленных проволочных подвязных лучковых фибул позднеантичного времени Ю.Н. Воронов также высказался об импорте, заметив, «что эти фибулы являются не результатом эволюции кавказской дуговидной фибулы I тыс. до н.э., а занесены сюда через римские прибрежные крепости» [10, с. 150]. Однако не будем столь категоричны в отношении импорта и заметим, что местная производственная база хорошо справлялась со своей задачей; в частности, это касается орудий земледельческого труда. Их экземпляры были найдены на территории Абхазии и Сочинского региона, что указывает на общий приём изготовления их местными кузнецами [11, с. 64].

Но вернёмся к Ачмардинскому могильнику, так как о нём есть разрозненная информация в статьях и в тезисах, но нет общей картины самого могильника. Датируется он периодом поздней античности и раннего средневековья. Находится могильник возле села Ачмарда, в предгорной части территории Абхазии, на реке Хашупсе в Гагрском районе. На самом могильнике археологических работ не проводилось. Работы были связаны с деятельностью «чёрных копателей». В феврале 2005 г. организованная Управлением охраны памятников Абхазии поездка открыла мрачную картину разрушения кладоискателями памятников на северо-восточной окраине села Ачмарда. Здесь на площади 3 га было вырыто около 100 грабительских ям разной давности. По-видимому, разорение могильников велось в течение нескольких лет. Сотрудники управления собрали ценную коллекцию железных предметов и большое количество различной керамики. Среди предметов было обнаружено 7 длинных мечей с широкими лезвиями. 10 крупных разнотипных наконечников копий, 3 ножа, 2 наконечника от посоха. Что касается керамических обломков, то следует указать местную удлиненную амфору с перехватом и более крупную амфору округлой формы, а также небольшой красноглиняный кубок конусовидной формы. В составе глины кубка почти нет примеси, а на поверхности, с внешней и внутренней сторон, сохранились следы бурого лака. Судя по материалам,

доставшимся археологам, вскрытые кладоискателями захоронения должны датироваться в пределах III–VI вв.

С целью доисследования разрушаемого могильника под эгидой Управления охраны памятников были начаты стационарные охранные раскопки. На этом объекте доисследовано четыре разрушенных погребения, между которыми вскрыто неповреждённое женское погребение. В разрушенных погребениях, по всей вероятности, были захоронены мужчины. Здесь найдены обломки мечей, наконечники копий и дротиков. В погребении 5 (в женском) нет вооружения, но присутствует богатый инвентарь, в т.ч. серебряный сосуд с посвятительной надписью на древнегреческом языке. Надпись под венчиком нанесена точечной гравировкой, предварительно читаемая как: «Я, царь Бакур, овцам (своим) дал». Находка датируется первой пол. III в. н.э. [12, с. 893; 13, с. 565]. В ходе дальнейших изыскательских работ на данном могильнике экспедиция доисследовала одну из грабительских ям, выявив на глубине 0,3-0,9 м погребение 6, ориентированное по линии ЮЗ-СВ. Предварительно датируется оно VI в. Там лежал скелет коня и кости жертвенных животных (козы, свиньи, домашней птицы). Слева, у берцовой кости скелета найдены остатки железного меча с деревянной обкладкой, фрагменты двух керамических амфор местного производства, лежавшие между костями человека и коня, серебряная пряжка и кольцо от конской узды, обнаруженные на левой лопаточной кости коня [14, с. 719]. Без сомнения – данное погребение можно считать всадническим.

Между тем в 2016 г. Служба государственной безопасности Абхазии впервые задержала троих "чёрных копателей" в районе могильника Ачмарда. Они не успели что-то ценное откопать, как это было, в частности, в случае с ценнейшим артефактом – серебряным ритоном позднеантичного времени (рис. 6), который впоследствии был выставлен в Англии на аукционе «Christie's». Конфискованные предметы были переданы в Абхазский государственный музей министерством культуры и охраны памятников Республики Абхазия. Вместе с тем эти вещи являются ценными артефактами и имеют особую значимость для позднеантичной истории не только Абхазии, но и для всего Северо-Восточного Причерноморья, ибо аналогии им можно проследить в материальной культуре Римской ойкумены и всего Восточного Причерноморья.

В своей статье мы хотим представить наиболее яркие образцы обнаруженных вещей: 5 мечей (фрагментированные, местами с остатками древесины от ножен, короткие однолезвийные и обоюдоострые). На хвостовике сохранилась железная гарда и бронзовая (медная) заклепка. В районе гарды имеются следы древесины от ножен и рукояти (рис. 4), 10 наконечников копий, представляющие вытянутую лавролистную форму с ребром жесткости, с выраженным ребром жесткости, местами со следами древка внутри втулки (рис. 5), ножи (рис. 1), все экземпляры фрагментированы. Всего 5 шт.: 2 – с изогнутым клинком. 3 – с прямым клинком. Также нельзя не отметить обнаруженные две дуговидные фибулы из серебра и бронзы (рис. 2) и бронзовую пряжку (рис. 3).

Таким образом, анализ новых материалов и сопоставление их с другими памятниками Северо-Восточного Причерноморья явственно свидетельствует о существовавших в период поздней античности (и не только) коммуникационных связей населения прибрежной зоны «краснодарского» Причерноморья и Абхазии.

Источники и литература

1. *Эрлих В.Р.* К проблеме коммуникации Западного Кавказа в I тыс. до н.э.: Абхазия и меотский мир // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба (к 70-летию со дня рождения): материалы международной научной конференции. Сухум – Москва: АбИГИ, ИВ РАН, 2016. С. 160–174.

2. *Пьянков А.В.* Юго-восточные связи населения краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н.э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная конференция: материалы конференции, посвященной памяти Ю.Н. Воронова. Сухум, 2006. С. 297–303.

3. *Маан О.В.* Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум: Дом печати, 2012. 344 с.

4. *Скаков А.Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы Международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014. Часть I. С. 151–172.

5. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей // Ю.Н. Воронов. Научные труды. Сухум: АбИГИ, 2014. Том IV. С. 169–272.

6. *Воронов Ю.Н.* Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 49–61.

7. *Шамба Г.К.* Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974. С. 48–65.

8. *Скаков А.Ю., Джопуа А.И.* Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 235–260.

9. *Джопуа А.И.* Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланурхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2015. С. 31–33.

10. *Воронов Ю.Н.* Колхида в железном веке // Ю.Н. Воронов. Научные труды. Сухум: АбИГИ, 2006. Том I. С. 11–292.

11. *Амичба Г.А.* Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум: АбИГИ, 2002. 235 с.

12. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Сакания С.М., Канделаки Д.А., Виноградов А.Ю.* Работы в Гагрском районе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. Выпуск VIII. С. 892–893.

13. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Виноградов А.Ю., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г.* Охранные исследования в Гагрском районе // АО-2005. М., 2007. С. 565–570.

14. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Барцыц Р.М., Бжания Д.С., Бирюков Ю.Д., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г.* Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // АО-2006. М., 2009. С. 716–721.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Ножи (фрагменты). Ачмарда.

Рис. 2. Дуговидные фибулы. Ачмарда.

Рис. 3. Пряжка. Ачмарда.

Рис. 4. Мечи. Ачмарда.

Рис. 5. Наконечники копий. Ачмарда.

Рис. 6. Серебряный ритон.

Рис. 1–3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Игорь Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологического наследия ФГБ НИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва» (г. Москва)

Волкова Евгения Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (г. Краснодар)

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, директор Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)

Казиев Эдуард Викторович – научный сотрудник ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

Колпакова Алиса Вадимовна – старший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (г. Новороссийск)

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания), доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир)

Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования. (г. Симферополь, Республика Крым)

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель по научной работе заведующего Анапским археологическим музеем (г. Анапа)

Нюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)

Парусимов Игорь Николаевич – научный сотрудник ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро» (г. Ростов-на-Дону)

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская Археологическая экспедиция (г. Краснодар)

Сланов Алан Акимович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Волкова Е.А. Археолог Алексей Васильевич Пьянков: материалы к биобиблиографии 5

Прокопенко Ю.А. Звериный стиль в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. 24

Чшиев В.Т. Контакты населения Кавказа, Передней Азии и Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа (По материалам памятников кобанской археологической культуры на территории РСО – Алания) 37

Джопуа А.И., Нюшков В.А. Межэтнические связи населения краснодарского побережья Черного моря и Абхазии (По материалам новых археологических находок) 51

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа в XII–XIII вв. (По материалам курганного могильника «Кедровая Роща») 59

Новичихин А.М. Номисма Никифора III Вотаниата из собрания Анапского археологического музея 69

Пьянков, А.В., Тиханов А.А. Три свинцовые иконки из новых поступлений в фонды Краснодарского музея-заповедника 76

Волков И.В., Тиханов А.А. Шакран и Шакрак с недоказуемой связью 83

Малахов С.Н. Аланская митрополия и аланы в письменных источниках конца 1390-х – 1470-х гг. 89

Парусимов И.Н. Необычная денга времени Ивана Грозного 100

Волков И.В. Надгробия османского времени из Таманского археологического музея 104

Могаричев Ю.М. Городище Тепе-Кермен в описании А.С. Уварова 110

Сланов А.А. Основные направления развития алановедения 118

Казиев Э.В. Джон Фредерик Бэддли: жизнь на рубеже эпох и двух империй 124

Список сокращений 131

Сведения об авторах 132